

деревенька ЮРИЯ ЕРМО ЛИНА

текст: Михаил Шевелев
фото: Юрий Ермолин

Замечательный челябинский фотограф Юрий Ермолин рассказывает о своем детстве, озаренном счастливыми воспоминаниями о родной деревне Сосново — той самой, которую он увековечил в своей знаменитой фотографической серии «Деревенька моя». Эта, казалось бы, совсем частная история жизни простых людей является, по сути, куда более красноречивым и правдивым свидетельством о нашем недалеком прошлом, нежели многочисленные и глубокомысленные исследования крутолобых историков и публицистов...

Вся моя родня из деревни. Отец с Белоярки, а по маминой линии — почти все из Курганской области. Начиная с 1920-х годов, в деревнях жизнь стала замедляться — голод был жуткий. Из травы муку делали и оладья с нее пекли... А в Челябинске в то время начали строить ЧТЗ. Рабочих надо было набирать — и на строительство завода, и на то, чтобы потом на нем работать. И так получилось, что из всей моей родни курганской — только мама уехала в город, где и познакомилась с моим отцом на строительстве ЧТЗ. А в 1961 году я родился.

Где-то с 6–7 класса я начал каждый год приезжать на летние каникулы в родную деревню Сосново — собственно, вся серия «Деревеньки» была снята там где-то лет за пять. Мое босоное счастливое детство прошло в деревне. Такие воспоминания... На моих глазах все происходило: сам видел, как деревня все пустела и пустела — разъезжался народ кто куда. *Нас пятеро братьев было.*

Эту серию фотографий надо бы смотреть «под настроение», конечно. Чтобы на столе обязательно стоял чайник с горячим чаем и баночка меда. Или коньячок. И вот так тихонько перебирать фотографии. «Лицо старости». Это мама моей мамы, тети Шуры и дяди Мити. Я ее часто фотографировал — вообще, жили мы очень дружно. «Ты, внучок, кричи погромче! — Я и кричал, — Ты чего кричишь, я что — глухая, что ли?» — до сих пор такие моменты всплывают в памяти. *Пелагея Васильевна — так звали мою бабушку.*

Деревня Сосново далекая, глубокая. Чуть ли не четвертая-пятая по большой дороге от райцентра. Сейчас там уже и рынок, и магазины всякие есть. А раньше у каждого двора все свое было: курицы, гуси, овцы и коровы... Кто хорошо рыбачил — карасей мешками ловил. Мне даже, было время, запрещали ловить — потому что негде было хранить. Ох, а тетя Шура у нас всегда хлеб пекла. А ее гуся с домашней лапшой я до сих пор вспоминаю.

Всегда удивлялся: почему у женщин деревенских так много передников, так много юбок надето? А потом выяснилось: вот проходила наша бабушка рано утром по лесу — грибочек увидит — и в подол заворачивает. На куст с ягодами набредет — в другой подол ягодки собирает. Мы еще спим — а на кухне уже дым коромыслом: и яйца жареные, и картошка печеная... Печка как натопится — ох, какие запахи! Настоящая сказка. Потом бабушка, как настроение было хорошее — сдоб напечет, в корзинки разложит —

и пойдет детям раздавать, чтобы всем соседским хватило. Хлеб горячий, душистый, сахаром припудренный. Всякая ягода, которая утром еще была в лесу — уже в булочках запечена. *А если еще пирожки с вареньем да молоком — это песня.*

После войны — половина деревни не вернулась назад. Мужского населения практически не было. К тому времени, как я в Сосново первый раз приехал — уже стелу установили, памятник. Недалеко от клуба, прямо в центре улицы — напротив остано-

ки автобуса. Всегда там цветы лежали, народ собирался на 9-е мая. Как было раньше в деревнях — они почти все из десятка-двух фамилий состояли. И списки на этих памятных стелах выглядели так: одна фамилия — и имена под ней, еще фамилия — и несколько имен. Халякины, Смолины, Прокопьевы, Голякины, Беевы... *И так по пять-десять имен под каждой.*

Недавно были в Сосново на похоронах — дядя Вася с тетей Шурой в один день умерли, по 83 года обоим было. Поначалу был поражен — столько

детей там собралось, столько народу! Потом мне объяснили: «Юра, останься на день — завтра на улицу выйдешь — и никого не будет. Все разъедутся». *Сейчас-то по деревням молодежь вообще не задерживается.*

Знаете, после дождя вода с дороги стекает — и в канавах по докам проезжей части скапливается. Красивые такие, зеленью поросшие. А когда ручьи побегут — будто изумрудные, как светятся изнутри. Маленький был еще — три-четыре года — и вышел погулять я после дождя по дороге. Радуга, лето — красота. И тут напротив выходит из стойла огромный свирепый бык! На деле то был не самый крупный теленок — но у страха глаза велики, куда мне там трехлетнему?! Сполз я в тот самый кювет у дороги, штаны намочил до пояса, а шагу ступить никуда дальше не могу. Бычку было интересно на меня смотреть — вот так мы и встали как вкопанные. Я просто-напросто заорал. Двор весь услышал, мама выбежала — узнать, кто там так голосит. Выходит из калитки — а это я в траншее стою, весь грязный, мокрый — и ору. *Теленок потом сам куда-то ушел по своим коровьим делам.*

Мой старший брат, которому сейчас шестьдесят, — около десяти лет в Сосново прожил. Потом и Сережка подрос, потом Ольга... Мама нас отправляла всех пятерых на лето к тете Шуре — и нас там по-деревенски откармливали. Помню, играли на гармошке, пели, танцевали — молодежь, одним словом. И практически постоянно я был с фотоаппаратом. Потому, что в любую минуту — где-то кадр можно подхватить. Иначе бы так много не снял — около сорока пленок получилось в итоге. *И за каждой фотографией детство, свое представление детства.*

Весной, когда каникулы были, мы ездили в деревню на электричке. Поезд приезжал на станцию где-то к полудню — а нам ведь еще на автобусе под 40 км ехать! Поэтому мы всегда боялись опоздать на пересадку. В электричке старались пробиться в первый или второй вагон, чтобы вовремя выбежать напротив касс автовокзала и купить билеты. Бывало так, что залетали в двери машины четко под крик «Сосново!» В автобус садишься — счастливый до слез. Время в дороге пролетает, и так сердце колотится, когда подъезжаешь

к деревне... Это была жизнь-мечта. *Ведь ты понимаешь, что сутками напролет предоставлен себе!*

При деревне Сосново был большой колхоз. Поработать я успел много где — рыл ямы для столбов, жерди вбивал, веники вязал — по две копейки за веник давали. Чем больше нарвешь — тем больше получишь. Но больше всего нравилось коров пасти. Поначалу мне доверяли только овец — стадо было чуть ли не под две тысячи голов. Я садился на лошадь — а по причине малого возраста часто в этом деле помощь была нужна. И если уж во время трудодня нужно было слезть с седла — назад меня только проезжавшие мимо трактористы могли усадить. А так приходилось пасти овец пешком, держа лошадь под уздцы. *Потом, со временем — уже и сам научился залезать и ездить верхом.*

В деревне днем тишина. Две собаки пролают — и все. Коровы — в поле, рабочие — на сеновале, сенокосе — кто где... И только всех видишь, когда выходят вечером коров встречать. Красивая сцена такая: коровы идут, пылища вокруг поднимается. И у каждого двора стоят люди, которые из стада выхватывают, разбирают своих овечек, козлов, баранов, коров... И мы выглядываем — смотрим, чтобы наших не пропустить. Я все этот кадр хотел снять, когда уже постарше стал. *Приехал однажды в деревню на два-три дня, и чего-то забылся, умудрился его пропустить.*

Работа со стадом приносила около трех рублей в день. И как-то это в систему вошло — если кто не смог, заболел, или кто-то там хорошо отдохнул, что не может на работу выйти — тогда меня вызывали. Но и ответственность была серьезная — как бы ненароком не «сравить» хлеб! Это случалось, если пастух зазеваается или вздумает съездить домой пообедать — тогда все стадо могло уйти на посевное поле. Идут, едят, топчут... И после тысячного стада все поле выглядит так, будто его вдоль и поперек десяток КАМАЗов прошло. Вот за такой залет деньги вычисляли с зарплаты серьезные. А если

сразу не хватало денег оплатить урон — незадачливый пастух до двух месяцев бесплатно мог отрабатывать. *Строго было! А мне повезло, я внимательным был.*

Каждой копеечке заработанной радовался. Однажды услышал, что месячная пенсия бабушки моей составляет 3 рубля 60 копеек — обалдели там все в государстве, что ли? Потом повысили до шести рублей, потом еще трехку накинули. Это в конце 60-х годов происходило. *Отец в городе больше сотни рублей получал, на жизнь нам, кажется, хватало.*

Когда народ деревенский отдыхал на выходных — праздники, дни рождения отмечали — всегда все

собирались на озере. И после гулянок на берегу оставались бутылки — и от газировки, ну и от вина тоже. И после взрослых торжеств — начиналось торжество детей: сразу куча ребят начинала копошиться в камышах и траве, бутылки искать. Так пару раз пробежишь по берегу — и, как говорится, копеечку насобирал. Вся детская ватага бежала в магазин покупать разных сладостей и вообще всего, чего не доставало. Конфеты, кисель в пачках, пряники — все же хочется попробовать! Пока купили, пока до дома дошли — а уже половину съедали. *Ну, или знакомым по пути раздаривали.*

Если кому надо было овощей или фруктов каких — лазили по сосе-

дям. Это «мероприятие» было не мной придумано — испокон веков, так сказать. Воровали преимущественно ради спортивного интереса. Огурчики, яблочки насобирали — девочкам принесли. Цветочки-листочки сорвали — ну, надо ведь маме букет на день рождения подарить. У кого из соседей рабицой был участок огорожен — к тем внимание от нас было большое. Внизу — как обычно, две рейки прикреплены. Так ты одну приподнимаешь — и кто-то шмыгает под забор. «Чик-чик» — ух-ты, гладиолусы! Ну и пошуршал дальше. В общем — днем у нас, детей, работы было выше крыши — а ночью... *Ночи у нас особенными были.*

Одно из таких «мероприятий» запомнилось мне на всю жизнь. Захватил на азарт. Вроде бы и ничего так в обязательном порядке не нужно было — но, как настоящих охотников, нас было не унять. Прошел слух, что у кой-кого в соседней деревне Шиловке яблоки хорошие уродились. Такие высокие прясла участок ограждали — явно что-то хорошее от народа скрывают.

Вечером, как было принято, все деревенские собрались в клубе — как раз новый фильм привезли. Киношной комнатой мои два брата заведовали — Ванька и Витька. Только самые-самые родственники могли попасть в эту сакральную культурную территорию. Интересно же — заходишь, а там два таких больших аппарата стоит, все жужжит, скрипит, что-то поет... Потом мы, как заскучили в темной комнате сидеть, по яблоки пошли.

Забор высокий. Ах-да, мы же еще с собой девчонок взяли. На руки и на плечи их поднимаем — и перебрасываем через забор. Через минуту опе-

ративная группа отчаянных начала шуршать в листве, яблоки собирать и срывать. Как так получилось, что хозяин вышел? Услышал? Видать, кто-то громко заговорил. Бах-бах — два выстрела в небо! Дед, дай Бог тебе здоровья, чего дома не сиделось? У меня же полная майка огурцов и яблок! И мы такие полубеременные, роняя позаимствованное, ломимся к забору. Девчонок уже нету — как они сиганули оттуда — не описать! И я переваливаюсь через забор вместе с градом рассыпающихся овощей... Но тут уже не до наживы! Все обошлось. Пришли. Помыли. Поели.

Спали мы где угодно. Хоть у бабушки, хоть у Лельки, хоть на полу, хоть на крыше — или даже в малушке-бане. Гуляли до рассвета. Под утро уже стучишься в окно — а бабушка ругается, мол, пора коров выгонять пастись, а вы еще только спать прибежали! «Не пушу больше!» И мы стали уже к Лельке на крышу лазить, и, чтобы не будить спящих, просили только дверь не закрывать на засов.

Тихонько прокрадывались, по стеночке — и наверх. На крыше у нас два матраса лежало.

Одна бабка нас постоянно шпыняла, наговоры наговаривала. И вот мы ее решили проучить. Итак: открываешь палисадник, подходишь к окну «жертвы», берешь булавку, ниточку, привязываешь к ней гаечку — и все это цепляешь за оконную раму. Потом выходишь со двора, перебрасываешь клубок ниток через провода — и уходишь, прячешься где-нибудь за углом. И сидишь, дергаешь веревочку. Так поступили и в этот раз. «Слышишь стук? — Нет — Еще давай...» — это мы так переговаривались. В итоге решили, что что-то там напутали, гаечка наша не сработала — и возвратились к калитке. Только к ограде подошли — выбегает хозяйка во всем исподнем (видать, все с гаечкой было отлично)... То ли она нас услышала, то ли все так совпало — и на нас ступор такой напал! Она с криком на тебя — ты с криком от нее! И все враспынную — кто куда. И такое впечатление, что она одновременно за каждым бежит. Я за зернохранилище забежал, отдышался. Недавно спрашивал деда — ему 80 лет исполнилось — оказывается, он сам так развлекался. Конечно, такие акции проходили только с теми соседями, которые к нам плохо относились. Ну а правда — чего мы такого плохого делали?

Детство было такое — один сказал — все поддержали. Собрались мы однажды с визитом в один огород — знали, что зажиточный — не случайно хозяева постоянно его поливали. Воду коромыслами носили с озера. Свекла, морковь — все в человеческий рост. В ту ночь еще луна большая вышла — глаза настолько привыкли, что все, казалось, было видно. Пробрались за забор, начали собирать урожай. Я руки в траву опускаю, начинаю шарить — продвигаюсь чуть дальше — и вдруг острая боль останавливает мою ладонь. Ну, мало ли — стекло может быть, хотя... Приподымаю аккуратно — и тут меня начинает прям колотить. Брат подлетает: «Коса!»

Для чего это делалось: попался на чужом огороде — порезало тебя. А в деревне куда спрячешься? Правильно, никуда — и на каждом дворе рано или поздно узнают, кто и что воровал. Так что косу специально положили, укрепили, засыпали. Ужасно это все. А насчет капканов — не слышал, кажется, не попадался никто.

Брат был младше меня и шустрее — в отличие от меня «городского» — схватил обретенный инструмент — и начал все подряд косить. И свеклу, и огурцы, и капусту — все под нож пошло. Из получившейся кучи каждый из нас понемножку взял — и пошли на берег. А песок там — ровный-ровный, красивый, переливается в свете луны. И там на берегу мы свалили кучу ботвы и травы — и написали что-то вроде «Не видать тебе морковки!» На понятном каком языке.

У меня кофр дома всегда в углу стоял — его даже пальцем никто не трогал. Хоть и дети деревенские. Потому, что все знали — если бы я пожаловался, что у меня кто-то в кофре лазил — всех бы Лелька выставила и выпорола без особых разговоров. На хорошем счету я там был.

В кофре всегда лежала пачка пленок, с бобин мы их заряжали. Старался после тридцатого кадра еще максимум три-четыре кадра делать, а потом перематывать. Боялся увлечься, всегда лучше заранее новую пленку поставить. Однажды гулял, заглянул во двор — и увидел, что Лелька корову только начала доить. А до этого я фотографировал, как животные с полей шли, и у меня оставалось на пленке всего пара

кадров. «Подожди, Галя, подожди!» — кричу я, падаю на живот (а там же куры везде ходят, одежду потом чистил долго) и навожу фотоаппарат. Щелк! Щелк! Бегу в комнату, перематываю, кассету вставляю другую, заряжаю, возвращаюсь — а Лелька корову уже хворостинкой в стойло загоняет. Потом, когда проявляли пленки у Горохова Юрия Константиновича — он готовил выставку и отбирал у нас всех фотографии — обнаружилось, что «Парное молочко» удалось на славу. Два кадра оставалось. И последний тридцать шестой — вот он.

В 1989 году собрал серию из «Деревеньки» — «Лицо старости», «Ворожея», «Мой дом» и «Состарились

вместе» — и отправил на конкурс ИНТЕРПРЕССФОТО, который тогда проходил в Пхеньяне. И только потом я узнал, как проходит отбор фотографий на таких мероприятиях: вначале тысячи работ отсеиваются, потом остается пятьсот, триста, сто... Правило простое: «какая из оставшихся фотографий вам нравится меньше всего». Одиночные работы сами по себе шли, серии — сами по себе. И тут открываю я газету «Комсомольская правда» — и вижу заголовок: «ИНТЕРПРЕССФОТО-89 — серебряная медаль». «Лицо старости» дошло до серебра! Это для меня был шок — и никто ж не верил, что какой-то там, чего-то там... Обалдеть!

